

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕЙКИН

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
ОТСТАВНОГО ПРИКАЗЧИКА
КАСЬЯНА ЯМАНОВА

Николай Александрович Лейкин
Из записной книжки
отставного приказчика
Касьяна Яманова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136178

Аннотация

«Вчера, 29 февраля, был именинник. Три года не случалось со мной этого. Одни расходы только! Пять рублей стоило. Именины справлять у себя, на квартире, хозяин дозволил: только, говорит, чтобы дебошу не было. В гостях были свои молодцы да соседские. Все шло хорошо, но в конце вечера Иван Свистков напился пьян, начал падать, уронил платяной шкаф, оторвал от печки дверцы и ушел домой, надев по ошибке, вместо своей шубы, хозяйский лисий салоп. Сегодня поутру хватились салопы. Хозяин долго ругался и отказал мне от места. Вот тебе и именины!..»

Николай Лейкин

Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова

1 марта

Вчера, 29 февраля, был именинник. Три года не случилось со мной этого. Одни расходы только! Пять рублей стоило. Именины справлять у себя, на квартире, хозяин дозволил: только, говорит, чтобы дебошу не было. В гостях были свои молодцы да соседские. Все шло хорошо, но в конце вечера Иван Свистков напился пьян, начал падать, уронил платяной шкаф, оторвал от печки дверцы и ушел домой, надев по ошибке, вместо своей шубы, хозяйский лисий салоп. Сегодня поутру хватились салопы. Хозяин долго ругался и отказал мне от места. Вот тебе и именины!

2 марта

Сегодня искал себе комнатку. Всю Ямскую обошел и не мог найти: такие цены неприступные! За что, говорю, так дорого? Помилуйте, говорят, нынче все набавляют.

5 марта

Бывший хозяин не держит меня у себя на квартире.

Ты, говорит, у меня теперь не служишь, так у тебя и опасности никакой нет. Кто тебя знает, может, еще стянешь что-нибудь! Ночую у приятелей.

6 марта

Квартиру нашел на Лиговке, у Иоанна Предтечи; за 8 р. в месяц, нанял комнату у старушки с условием, чтобы не петь, на гитаре не играть, дам к себе не принимать, водку, собак и птиц не держать, не кашлять и не болеть. Чего доброго, говорит, еще заболеешь да умрешь, так и хлопот не оберешься!

7 марта

Сегодня переехал. Приходила хозяйка и осматривала мое имущество. Нет ли, говорит, у тебя пистолета, пороху либо кинжала? Коли есть, так выбрось. Нынче вон все мода пошла стреляться да резаться, так чтоб не пришлось после отвечать за тебя!

10 марта

Толкаюсь по рынкам и справляюсь о месте. Нет как нет! Сегодня был в Гостином Дворе, у братьев Браслетовых. Точно, говорят, нам нужен приказчик, но ты не годишься; во-первых, потому, что у тебя нос красный, а во-вторых, нам нужно такого приказчика, чтобы был с бакенбардами, не ел

дуку, потому что пахнет, а также чтоб одевался по моде и душился духами. Плюнул и ушел. Нужно как-нибудь сходить в Клуб Русского Купеческого Общества для Взаимного Вспоможения. Там бывают наши рыночные хозяева. Попрошусь, так, может, и примут на место.

12 марта

Был в Клубе для Взаимного Вспоможения. Встретил купца Клестерова. Я поклонился – он отвернулся. Думал, что, может, не заметил, подошел к нему и говорю; нет ли у вас местечка, Федор Иваныч, или не услышите ли у кого?.. Поглядел он на меня зверем да и говорит: «Какую же ты имеешь такую праву местечка просить, коли ты по клубам болты бьешь?» Подошел к другому купцу; тот покосился и брякнул: «Ты бы еще больше водки по буфетам глотал!» Вот тебе и Общество для Взаимного Вспоможения! Хорошо помогли! С горя подошел к буфету и огорчился, царапнул четыре рюмашечки.

Забрало меня с четырех рюмок и отправился я в карточную. Сидят дамочки и в мушку играют. Накурено страсть как, а ничего – сидят. Иная дама от одной папироски в обморок упадет, а тут на воздухе топор можно повесить, а она сидит. Вот что значит корысть-то! Одна в азарте, вместо мелу, схватила окурок папиросы и ну им писать на столе ремиз; другая до того зарапортовалась, что вместо своей коленки принялась чесать коленку своего соседа. Тот очнулся.

Что это, говорит, вы, сударыня, мою коленку скоблите? Виновата, говорит, я думала, что это моя! Встретил там Петра Бубырева, что в Гостином служит. Весь проигрался. Видел, говорит, во сне старца, подошел будто он ко мне и говорит: «Петр, восстань, надень клетчатые брюки и иди играть в мушку в Приказчиный клуб – выиграешь». Я поверил, сел по полтине и до копеечки... Дал ему двугривенный на извозчика и угостил водкой. Повеселел он и говорит: «Еще есть средство отыгратся; говорят, хорошо иметь при себе в кармане куриную ногу: наверное выиграешь. Завтра же заложу часы».

Домой пришел выпивши, долго не мог попасть в свою квартиру и звонился у трех дверей.

15 марта

А что, не дать ли мне концерта? Ведь можно деньги собрать? Хоть я и петь не умею и ни на чем не играю, да это наплевать! Можно самому и ничего не делать. Ведь дают же на театрах концерты помощники режиссеров, библиотекари, декораторы? Я даже слышал, что собирается дать концерт какой-то театральный плотник. Подумаем. Попытка не пытка, спрос не беда, а исполнители найдутся: их теперь как грибов в дождливое лето!

12 апреля

Давно не писал моего дневника. Все еще шляюсь без де-

ла, так как никак не могу найти себе места. Нигде не берут. Старый хозяин мой распустил про меня по рынку слух, что я его на левую ногу обделал, на руку не чист и штуку полотна стянул. Без дела скучно. Хожу по церквям, по мировым судьям, по знакомым. В конце Вербной недели гулял у Гостиного Двора по вербам. Встретил бывшего своего сослуживца Акакия Шилоногова. Прежде он жил в приказчиках, а теперь сделался адвокатом – ходит по мировым судьям. Говорит, что выгодно. Уж не сделаться ли и мне адвокатом? Что ж, я грамотный.

13 апреля

Моя квартирная хозяйка все за мной подглядывает.

Голубчик, говорит, не удавись, пожалуйста! Нынче вон пишут, что люди то и дело стреляются, режутся и вешаются. Уж коли, говорит, такая тебе охота придет, так ты уйди из квартиры и где-нибудь в укромном месте... Помилуйте, говорю, сударыня, да я к этому самому малодушеству и желания не имею. Сегодня вечером пришла ко мне в комнату и подарила мне подтяжки на Станиславской ленте. Удивился. Это, говорю, сударыня, за что же? А она мне: «Бери, бери и носи на здоровье, а то я заметила, что ты брюки ремнем опоясываешь. Сними, говорит, ремень-то и отдай мне, все-таки тебе меньше соблазна будет». Это она все насчет удавливания. Снял ремень и отдал ей. Ну, – говорит, – теперь я буду поспокойнее. Ты удавишься, тебе-то, – говорит, – ничего, а

каково мне-то после будет? хлопот не оберешься.

14 апреля

Был на Троицком подворье у всенощного бдения. Служили монахи. Великолепие! Какой дом новый выстроили – великолепие! Грешный человек, каюсь, соблазнился и подумал: не идти ли мне в монахи? Слава Богу, я грамотный, да и голос есть. За всенощной встретился опять с Акакием Шилоновым. Пойдем, говорит, в трактир Европу, опрокинем, чайком побалуемся. Зачем, говорю, в Европу, коли трактиры ближе есть? А там, говорит, актеры завсегда сидят, так на них посмотрим. Какие, говорю, актеры? Всякие, говорит, и большие, и маленькие. Пришли в Европу, и точно, сидят всякие, и большие, и маленькие. Посмотрели на них, долбанули у буфета по рюмке забалуя белого и сели за стол чайком побаловаться. Сидим да на актеров поглядываем. Веселые такие сидят. Грешный человек – опять соблазнился и подумал: не идти ли мне в актеры? Житье легкое. Отчего же мне не идти, коли я читать и писать умею?

16 апреля

Светлый праздник. Вчера купил десяток яиц, кулич и пасху. У заутрени был у Владимирской. Купечества было видимо-невидимо! Христосовался семьдесят два раза, не считая младенцев. Нарочно считал. После заутрени пил чай дома и разговлялся. После чая лег соснуть. Засыпая, думал: какие

счастливые люди попы и сколько денег собрали они во время Великого поста и сколько соберут их еще на Святой! Вот уж в попы хоть грамотный, а ни за что не попадешь!

17 апреля

Вчера ходил по знакомым поздравлять с праздником и христосоваться. Был у купца Иванова. Прихожу, – на столе стоит водка и ветчина. Похристосовались, выпили и закусили. Говорили о том, кто где был у заутрени. Хозяйка сидела в углу и вздыхала. Был у купца Семгина. На столе ветчина и водка. Христосовались, пили, закусывали, говорили о том, кто где был у заутрени. Семгина молча слушала и вздыхала. Был у Капустина, выпили по рюмке, закусили ветчиной и говорили о заутрени. Сама вздыхала. Был у Петра Семенова. Ветчина, водка, заутреня. Сама зевала и вздыхала. Один вздох был так глубок, что лежащая на столе газета взвилась со стола и упала на пол. Был... Однако довольно. Был в одиннадцати местах: везде водка, ветчина, заутреня и христосование. Все губы обтрепал целовавшись и на ночь смазывал салом, опять-таки от ветчины.

Сегодня был у квартирной хозяйки. Угощала водкой и ветчиной. Насчет самоубийства разговору не было. Выпили по пяти рюмок. Вечером гулял у балаганов. Христосовался с четырнадцатью человеками, не считая жен и детей. Встретился с бывшим своим хозяином. Подошел к нему и говорю: «Христос воскрес, Парамон Иваныч!» А он мне: «Пошел

прочь, мерзавец!»

19 апреля

Вчера был пьян и решительно ничего не помню, что было. Помню одно, что ел ветчину. Сегодня голова трещит. С похмелья сидел дома и читал книжечку: «О том, как мне жить свято?»

21 апреля

Был в гостях у дьячка Ижеесишенского. Пили водку, закусывали ветчиной и толковали о том, что значит: «мани, факел, фарес». Время провели весело.

Вечером хозяйка, увидя меня не в своем виде, отняла у меня складной нож. Ты, говорит, с пасхального-то пьянства, пожалуй, зарезаться задумаешь.

22 апреля

Сегодня весь день болен. На ветчину и глядеть не могу – претит, но водка пьется.

23 апреля

Фомино воскресенье. Сегодня в рынках «Страшный суд», то есть расчет хозяев с приказчиками: кого по шапке, кому к жалованью прибавка. Купцы кончили счет лавок. Теперь надо потолкаться по хозяевам – места будут.

24 апреля

Вчера вечером был в Приказчиьем клубе. Акакий Ши-лоногов угощал билетом и водкой. С барыша, говорит, потому теперь нашему брату адвокату лафа будет: на праздни-ках столько драк было, что беда!!! То и дело будут звать за-щитить у мирового. В клубе изображали собою железную дорогу и ездили от станции до станции. Станциями были три клубские буфета. Останавливались больше в Бологое, то есть в среднем буфете. Тут у нас главная стоянка была! Пили больше хрустальную, а перегородки ставили пивом, ездили в Химки, в пивной буфет.

Хоть и изрядно нахлебался, хоть и о дверной косяк лоб ушиб, но зато узнал, что купцу Самокатову двух приказчи-ков требуется. Сегодня опохмелялся, а завтра пойду нани-маться.

25 апреля

Был у Самокатова, для счастья даже взял с собою в карман волчий зуб, которым меня ссудила хозяйка, но на место не попал. Принял он меня грозно, но обстоятельно расспросил, какой я веры, хожу ли в баню и не ем ли по постам скором-ного. Также спросил, не пописываю ли в ведомостях. Нынче, говорит, всякая дрянь пишет; и глазом не сморгнешь, как на тебя мораль напустят. Помилуйте, говорю, где нам! Потом поставил свои условия: каждый день быть в лавке с 9-ти ча-сов утра и до 9-ти вечера, харчи и квартира хозяйские, жа-

лованья 20 р. в месяц, но деньги при себе не держать, дабы баловства не было, спать у себя, баня хозяйская, кухарку не трогать, книг не читать, на гитаре не играть, водки не пить, песен не петь, в карты не играть и гостей к себе не принимать. Это, говорю, мы все можем. Ну, а как, говорит, твоя фамилия? «Яманов». Коли так, говорит, так вон, мерзавец! За что же, говорю, помилуйте! «Вон, вон, вон». Так и выгнал. Верно, старый хозяин и ему на меня наклеветал.

26 апреля

А что, не сделаться ли мне писателем и не начать ли напускать мораль на купечество? Да нет, где нам, с суконным рылом в калашный ряд! Чтоб быть писателем и мораль пускать, нужно мудреные слова знать, а я только одно мудреное слово и знаю: цивилизация.

29 апреля. Утро

Вчера вечером был в трактире, пил чай и читал «Полицейские ведомости». В ведомостях прочел два объявления: в одном месте требуется секретарь к пожилой даме; в другом – молодой человек, умеющий громко и внятно читать порусски. Тотчас же записал адреса. Придя домой, разделся, лег на кровать и размышлял сицевое: «Видно, уж мне в приказчики не попасть, – нужно чем-нибудь иным заняться; так, идти ли мне наниматься в секретари и в молодые человеки? Писать и читать умею, голосом обладаю зычным, даже мо-

гу назваться молодым человеком, так как на Благовещенье день мне минуло всего тридцать два года». Решил утвердительно и с сею мыслью заснул. Во сне видел дьячка Ижеесисенского, белую лошадь и своего прежнего хозяина. Сидим будто в Палкином трактире под органом и едим сморчки в сметане. Ведь пригрезится же эдакая дрянь! Проснувшись сегодня поутру, рассказывал свой сон хозяйке. Голубчик, говорит, остерегись! Сон худой. Не удавись смотри. Нынче вот то и дело люди вешаются да стреляются! Ведь эдакая глупая баба! Только и на уме у ней, что удушение. Плюнул и ушел к себе в каморку. Сейчас иду наниматься в молодые человеки.

29 апреля. Вечер

Ходил наниматься, но безуспешно. Прихожу, где требуется секретарь. Выходит старушка, узнала, в чем дело, и замахала руками: нет, нет, говорит, мне такого не надо! Мне нужно старичка, потому у меня две молодые горничные, а я в своем доме шуры-муры не потерплю. Плюнул и ушел. Прихожу, где требуется молодой человек; вышла опять-таки старушка, узнала, в чем дело, подвела меня к окну и принялась меня рассматривать в лорнетку. «Нет, говорит, ты мне не годишься». «Помилуйте, говорю, сударыня, отчего же не гожусь? Вы прежде попробуйте. Голос имею, что твоя труба, несколько раз в церкви Апостола читал и от церковного старосты одобрение получил, а что касается до молодости, то всего тридцать два года и все зубы целы». Замахала ру-

ками и убежала. Вышел лакей: пожалуйста, говорит, купец, а то в участок отправим. Плюнул и ушел. Это истинное несчастье! Куда ни кинь – все клин! Только даром сапоги трепал. Пришел домой усталый, как собака, хотел снять сюртук и повесить на гвоздь, хватать – ни одного гвоздя в комнате, а было шесть штук. Я к хозяйке. Это, говорит, я повиытаскала. Неужто, говорит, после такого сна, что ты вчера видел, я у тебя в комнате гвозди оставляю? Сон твой прямо к удушению и ведет. Лучше, говорит, я тебе два рубля за комнату спущу и сундук для платья подарю. Плюнул и перестал разговаривать.

30 апреля

Дело – табак! Из рук вон плохо! Завтра платить за квартиру шесть рублей, а денег всего имеется три двугривенных и один трехкопеечник. Как ни вертись, а придется тащить шубу в мытье. Впрочем, что ж за важность! Теперь весна и шуба только лишнее бремя. Даже и генералы закладывают. Весь день сидел дома и размышлял: каким бы путем мне себе пропитание добывать? В монахи идти еще успею, потому что, может быть, какое-нибудь и получше дело наклюнется; в актеры – и хорошо бы, да не знаю, к кому обратиться. Пойду-ка я лучше в писатели и начну напускать мораль на купечество. Что ж в самом деле, ведь не боги же горшки-то обжигают! Ежели я мудреных слов не знаю, так это плевое дело: взял да и выписал из старых газет. Решено! Иду в писа-

тели! Что будет, то будет.

1 мая

Май месяц. Кто в этом месяце женится, тот всю свою жизнь с женой маяться будет. Сообщил мне об этом вчера вечером дьячок Ижеесишенский, в бытность нашу в погребе у купца Набилкова, где мы усидели бутылку водки; а также сообщил он, что у попа Макария украли из ризничей резиновые калоши. Спрашивал я у него мудреных слов для писательства! Сообщил мне, и даже сам собственноручно написал на бумажке. Совершенно согласен со мной, что писателем, не зная мудреных слов, сделаться нельзя. Вот эти мудреные слова: жупел, прокламация, геенна, инициатива, алектор, нигилист, рипида, вампир, социализм, альфа и омега, конституция, астрольбия, анатомия, коммуна, инсургент... Дальше понять невозможно, так как дьячок хотя и писал, но был в то время уже совсем пьян, и вместо букв вышли какие-то куриные следы.

2 мая. Вечер

Вчера после обеда ходил гулять в Екатерингоф; в Екатерингофе валялся на травке и встретил гибель знакомых. Все приехали с водкой и закуской. Я подходил ко всем и у всех угощался. Самому мне ничего не стоило, а даже отчего-то явился в кармане барыш. Вышел из дома с сорока копейками, а принес домой шестьдесят восемь копеек. Откуда они

взялись – решительно не понимаю, так как в Екатеринбургe напился пьян и даже не знаю, как попал домой. Сегодня проснулся поутру и несказанно удивился, увидя себя лежащим на кровати в одном сапоге и в шляпе на голове. Также неизвестно, как могли попасть ко мне в боковой карман сюртука женская туфля с каблуком и кусок кружевной вуали!

Сейчас была у меня квартирная хозяйка и опять повела разговор о самоубийстве. Меня так и взорвало. Выругал я ее и говорю: «Коли вы, сударыня, еще хоть один раз помянете мне об этой мерзости, так я себя не пожалею и назло вам удавлюсь, да не у себя в комнате, а у вас в спальне, над вашей кроватью и на вашем же полотенце». Взвизгнула, схватилась за голову и чуть в ноги мне не упала. Голубчик, говорит, что хочешь возьми, только не делай этого. Давай, говорю, пять рублей. Дала. Вот дура-то! А что, ведь ее можно эдаким манером и почаще попугивать? Пять рублей – деньги!

В радости послал за водкой и за колбасой.

3 мая

Вчера был у Ижеесишенского и напился пьян. Весь вечер пели «со святыми упокой», и ежели бы не выбили у него в квартире пять стекол, то мог бы сказать, что время провели весело. Возвращаясь домой, подбил себе глаз.

4 мая

Вчера поутру прикладывал к глазу моченую бумагу, слег-

ка опохмелялся и писал статью, где напустил мораль на купечество. Вот статья. Это про моего бывшего хозяина.

«Есть у нас в рынке один купец Оболтус Оболтусович Ухорылов; хвастается он своим богатством, а сам на книжку в баню ходит. Борода у него червивая и наполовину запрятана за галстук. Жена у него ведьма, то есть такая астролябия, что беда! Напьются они за ужином этой самой коммуны (рюмок по десяти выпьют) и начнется у них прокламация – в кровь раздерутся. Сынишко тоже инсургент изрядный: подобрал к кассе ключ и каждый день запускает туда свою конституцию. Франков тысячи две выудил. Теща у него скотина и такая, можно сказать, инициатива, что чрез нее один приказчик с кругу спился. Есть у них дед – жупел отменный. На прошлой неделе он был в бане и у солдата мочалку и обмылок стянул. Дочки то и дело с офицерами, социализм разводят, а те, известно, рады и все больше насчет анатомии... Врат хозяйский – вампир или даже алектор или просто подлец. Ездил смотреть невесту и стянул у ней с туалета хронометр. Сестра у него замужем за нигилистом, вот что по ночам ездят, и откусила мужу пол-уха».

Кажется, хорошо и мудреных слов довольно! Сегодня вечером перепишу набело и завтра поташу в какую ни на есть газету. Что будет, то будет! Попытка не пытка, спрос не беда! Примут – ладно, тогда сделаюсь писателем, не примут – пойду в акробаты.

11 мая

Весь день тосковал и выбирал из старых газет мудреные слова для сочинительства.

Мудреные слова:

Компетентность – судя по смыслу, слово это должно обозначать какой-нибудь крепкий напиток. Антагонизм – адкромешный (слово это перевел содержатель табачной лавочки, человек ученый, так как служил вахтером в кадетском корпусе). Гарантия – ругательное слово. Венера – богиня любви в поганой идольской вере. Слово сие узнал из песни, где поется: «Венера, богиня любви...»

12 мая

Сегодня получил от Вавилова, что вместе в приказчиках жили, пять рублей долгу, и писал стихи «к ней». Даже придумал и «ее». «Она» – это дочка табачника, где я табак покупаю. Имя ей Вера. Стихи вышли очень чувствительны.

А что, не посвататься ли мне к этой Вере? Хоть она и ундерская дочь, но все-таки из лица аппетитна и у ейного тятенки табачная лавка и десять билетов внутреннего займа в нагрудник защиты. Жениться мне давно уже пора, потому холостой человек завсегда имеет меньше доверия и солидарности.

13 мая. Утро

Всю ночь не спал и думал, как бы мне половчее подъехать

к табачнице Вере Евстигнеевне. В течение ночи выпил целую бутылку квасу и решил передать ей мое стихотворение. Почем знать, может, она и растает.

13 мая. Вечер

Весь день спал и видел во сне табачницу. К вечеру переписал стихи, надел новый сюртук, начистил Циммермана и отправился в табачную. Также перед уходом хватил для бодрости две двухспальные рюмки самоплясу, а чтобы не несло из пасти, заел сухим чаем. Прихожу – стоит за вырубкой. Здравствуйтесь, говорю, Вера Евстигнеевна. Позвольте пачку папирос Лаферма в десять копеек, только получше. Подала. Тятенька с маменькой, говорю, здоровы ли? Слава Богу, говорит, ко всенощной ушли. Ну, думаю, в самый раз попал, и сел. Все, говорю, вы хорошеете, Вера Евстигнеевна. Совсем напротив, говорит, это вы, верно, мне в контру. Вовсе, говорю, не в контру, а комплимент из груди и от сердца. Это, говорит, мужчины завсегда так говорят, а потом коварство и покажут. Мы, говорю, отродясь ни одной девушке нашего коварства не показывали, потому что это очень низко, а что насчет любовного разговора, так отчего же?.. Я, говорит, об этом и понимать не должна. Стишки, говорю, любите? Люблю, говорит, только чувствительные. Хотите, говорю, я вам предоставлю? Вот-с, пожалуйста. Это я сам про вас написал. Бросил стихи на вырубку, сделал ей ручкой и убежал. Кашу заварил, будет ли только успех?

14 мая

От квартирной хозяйки просто житья нет! Сегодня только что проснулся и сел пить чай, как вдруг она вваливается в комнату. Ты, говорит, молодец, и с квартиры не едешь и, кроме того, вижу я, галстук булавкой закальываешь. Отдай-ко, говорит, мне булавку-то, а то, не ровен час, воткнешь ее себе в висок и шабаш! Тебе уж и то было предзнаменование к смерти! Тихий я человек, а тут рассвирепел и выгнал ее вон. Нет, так нельзя, нужно искать комнату у другой хозяйки! Со злобы написал ругательные стихи на моего бывшего лавочного хозяина.

15 мая. Утро

Вчера вечером пошел искать себе комнату и по дороге зашел в табачную. Табачница стояла за прилавком, а ейный тятенька был в другой комнате и пел: «Вдоль я пьян, поперек я пьян». Вошел я, а она так и зарделась. Извините, говорит, тятенька хмелем зашибшись и песни поют. Не извольте, говорю, беспокоиться, – это и с нами по праздникам бывает. Стихи изволили прочесть? Прочла, говорит, только не знаю, как я об этом понимать должна? Очена просто, говорю, как комплимент моих чувств к прекрасной девице. А может, вы интриган и эти стихи к другой девице относятся? Сейчас, говорю, умереть, – к вам! Это вы совсем не в ту центру попали, потому я в вас очень влюбившись и даже, можно ска-

зять, ночей не сплю. А вы, говорит, по какой части? По купеческой, говорю. Коли так, говорит, так зайдите к нам завтра. Я вам напишу ответ моих чувств. Только нам здесь будет невозможно видеться, так как тятенька сняли на Черной Речке будку, открывают там табачную лавку и меня с маменькой туда посылают, а сами здесь торговать будут. Это, говорю, еще прекраснее, так как я ищу себе квартиру и, стало быть, найму тоже на Черной Речке. Сказал «адье», сделав ручкой, и ушел. Сейчас же отправлюсь на Черную Речку и буду искать себе комнату.

15 мая. Вечер

Был на Черной Речке; все улицы обходил, но комнаты от жильцов себе не нашел. За какую-нибудь конуру просят пятьдесят, а то так и шестьдесят рублей в лето! В глубокой горести, с прискорбием души и тела, шел я по Мало-Никольской улице и хотел уже возвращаться в город, как вдруг увидел на воротах надпись: «отдается небольшая дача за 20 р. в лето». Стой, думаю, нам такую и нужно! Вошел на двор и закричал дворника, но вместо дворника вышла баба и сказала, что она хозяйка. Нам бы дачку, говорю, тетенька. «А собак и девиц при себе не удержишь?» Нет, говорю, тетенька, мы этим баловством не занимаемся. Коли так, говорит, пойдем, – повела меня по задворкам. Вот, говорит, дача. Двадцать рублей без торгу. Поглядел я – совсем хлев. Да ведь это, говорю, коровник. Точно, говорит, что позапрошлый год

это был коровник, но вот уже второй год дача, так как мы пол новый настлали а окно сделали. Да ведь здесь, говорю, протекает дождь сквозь крышу? Вот потоки. Протекать-то, говорит, протекает, так зато и цена дешевая. Летось не хуже тебя военный офицер жил, так и тот не жаловался. Пойдет дождь – он по углам посуду расставит, а сам клеенчатое пальто наденет либо зонтик распустит да так и сидит. Подумал, подумал и дал задатку три рубля. Что ж, по крайности буду жить недалеко от табачницы. Вот она что значит, любовь-то!

16 мая

Был у табачницы и сообщил ей, что нанял себе дачу. Очень, говорит, приятно, потому по вечерам, после забору лавочки, мы будем гулять с вами в Строгоновском саду. Только не знаю, как маменька, потому она все ругается и хочет пришпилить мне хвост. Чувства, говорю, свои изволили изобразить? Изобразила, говорит, только мне очень стыдно. Возьмите, говорит, но не читайте, а спрячьте у себя на груди. Полезла к себе за лиф, вытащила оттуда бумажку и сунула мне в руку. Сказал ей «мерси», подарил на память сахарное сердце в пятиалтынный и ушел домой.

Вот ее письмо.

«Дражайшему предмету моему, Касьяну Иванычу, посылаю мой любовный вздох из груди моей. О, с какими слезами читала я стихи ваши! Хоть и стыдно писать, но вы моя палительная любовь. Я сама не знаю, что со

мною сделалось. Внутри загорелось и сердце оборвалось, и голова пошла кругом, так что сдавала с рубля сдачу и просчитала, гривенник, а тятенька обругал меня за это кобылой. Но из-за вас я снесу всякое пакостное слово. Ежели будете за мной ухаживать, то угощайте маменьку почаще киевской наливкой, и тогда она будет смотреть на нас сквозь пальцы. Она сырая женщина и ежели выпьет, сейчас ко сну, а я от политичного кавалера никогда не откажусь, потому нынче все большие охальники. А ежели будете ко мне свататься, то сводите тятеньку в трактир и угостите померанцевой водкой. Пьяный он добрее, а трезвый ругатель. Вчера видела во сне козла. Это хороший знак. А также не худо бы вам подарить ему бархатную жилетку. Вот моя любовь. Лети, письмо, от любви к любви в руки. Пишите ответ: любите меня или нет? Написала бы вам стихи, да тятенька сжег мою книжку.

В.»

Дело идет на лад и девка будет наша, а с нею и табачная лавка! Завтра переезжаю на Черную Речку.

26 мая

Живу на Черной Речке и блаженствую всласть. Каждый день встаю в восемь часов утра и пью чай, после чего отправляюсь к кабаку, где останавливаются чернореченские дилижансы, и слушаю, как ругаются промеж себя щапинские кондукторы и ямщики. День провожу с хозяйкой в приятной бе-

седе об антихристе. Удивительно любит этот разговор. По ея соображениям, антихрист должен быть не один, а несколько, и между ними ея собственный племянник, ухитрившийся прошлое лето украсть у нея из-под трех замков пятипроцентный билет, а нынешнее лето пропивший в кабаке ее любимого кота. Здесь также узнаю я, у кого из соседей что варится и жарится к обеду, а также кто из супругов подрался между собою, кто собирается в баню или же в Приказчиный клуб. Вечером отправляюсь к прекрасной табачнице, угощаю ейнюю маменьку вишневкой, а сам с табачницей отправляюсь гулять в Строганов сад. Сегодня, для разнообразия, ходили на Финляндскую железную дорогу и смотрели, как машина свистит, а также порешили, что я завтра иду к ейному тятеньке и буду за нее свататься.

27 мая

Был у ундера и сватался к его дочери, но получил отказ.

Умасливал, умасливал его, а ничего, не помогло. Вы, говорю, Евстигней Прохорыч, при кадетском корпусе вахтером состояли, стало быть, человек ученый и можете доподлинно понимать, что дочери вашей пора замуж, а он мне: «Покажи твои капиталы». Капиталов, говорю, у нас нет, но мы рассчитываем на дядиньку и тетиньку, так как у них в своем месте по дому, а он мне: «Представь копию с духовного завещания». Я, говорю, в вашу дочку влюблен, как какой-нибудь рыцарь, а он мне: «Коли, говорит, влюблен, так бери ее как

есть, и живи с ней, а приданого я не дам». Мы, говорю, люди торговые и нам «как есть» брать нельзя. Целый час бился и все по-пустому. Вечером рассказал ей о нашем разговоре. Заревела и говорит: «Коли так, так похитьте меня силою и будемте жить в хижине, на берегу моря». Нет, говорю, ангел мой, лучше потерпим до осени. Может быть, он и смилуется. Как ни вертись, а приходится поворачивать оглобли назад.

2 июня

Сегодня проснулся раньше обыкновенного, так как идет дождь и на лицо мое брызнул поток воды, протекающий сквозь крышу в потолке. Расставил по углам для стока воды всю имеющуюся у меня посуду и сижу в своей даче в калошах и под зонтиком и придумываю хитрости, чтобы завладеть табачницей, а с нею вместе и табачной лавкой.

4 июня

Троицын день. Дело с табачницей ни взад, ни вперед. Только и путного, что курю даровые папиросы да читаю на даровщину газеты, так как она и газетами торгует. Впрочем, вчера вечером подарила бисерный кошелек и черешневый мундштук с серебряным наконечником. У тятеньки в давке, говорю, хапала? У тятеньки, говорят, да это наплевать! Для тебя я еще и не то схапаю! Похвалил за это и поцеловал в уста сахарные. Хоть и велик у Бога праздник Троица, но целый день был трезв, и только перед обедом одну рюмочку

засобачил.

Разговаривал с хозяйкой об антихристе и обещался познакомиться ее с дьячком Ижеесишенским. Уж больно он лих об антихристе-то разговаривать!

7 июня

Скучно. Табачница да табачница, газеты да газеты, хозяйкин антихрист да антихрист попеременно со Строгоновским садом и Черной Речкой удивительно надоели. Кроме того, в башке то и дело сидит вопрос: что я буду делать без места, когда проем все мои вещи? Уж и так теперь питаюсь енотовой шубой, что заложил жиду Мовше. Спасибо дровокату Свисткову, – пришел и дал даровый билет для входа в Русский Трактир, что на Крестовском острове. Сейчас отправляюсь на Крестовский.

9 июня

Что ни говори, а табачницу нужно побоку, потому что она без табачной лавки и тятенькина нагрудника, в котором защиты пятипроцентные билеты, ровно ничего не составляет. Что с ней зря болты-то бить по Строганову саду? Как там ни толкуй, а всякая прогулка стоит косушки вишневки, которую нужно сравить ейной маменьке. Косушка стоит денег, а я уж и так проедаю енотовую шубу. По несколько раз в день помышляю, что будет тогда, ежели я проем и сей последний живот мой. Сегодня послал ей с хозяйкой следующую

щее разрывное письмо:

«Милостивая государыня, Вера Евстигнеевна!

С глубоким прискорбием души и тела уведомляю вас, что нам так жить невозможно, потому что нельзя, и мы должны покинуть друг друга. Ежели тятенька ваш не согласен на закон, то что ж нам попусту-то мыкаться и растравлять себя? Плюньте на меня, а я на вас, и разоидетесь по чести. Вы еще не Бог весть какой старьй конь; со мной не сошлось, так с другим сойдется, и жених может наклонуться почище нас. Только навряд это будет, ежели ваш тятенька будет сам норовить выудить, а он, кажется, охулки на руку не положит. Во всяком случае желаю вам офицера с саблей.

Касьян Яманов».

Хозяйка вернулась. Отдали? – говорю. Отдала. Одна она в лавочке? Никак нет, говорит. Писарь военный какой-то сидит и морду корчит. В любовном, говорю, смысле? В любовном, говорит, потому что она ухмыляется. Молодой? Молодой. Красив? Ничего, так себе, с усиками; только на щеке шишка, на шишке бородавка, а на бородавке волос. Ну, пушай их, думаю. Ведь поди ж ты: плевая вещь эта табачница, а как гора с плеч свалилась!

Вечером был у меня дьячок Ижеесишенский. Маленькая неприятность с ним случилась: в пьяном виде наткнулся носом на гвоздь и разорвал себе ноздрю. Теперь, впрочем, подживает. Познакомил его с хозяйкой. Та от него в восторге.

Целый вечер толковала с ним об антихристе. Сам я с ним говорил мало и он успел мне сообщить только следующие городские новости. На колокольне у Иоанна Предтечи вот уже третий день сидит неизвестно откуда взявшаяся сова; водка в кабаке Фунтова стала припахивать фиалковым корнем; протоиерей отец Серафим Накамнесозижденский, быв в гостях у купца Треухова, обменял свои калоши; кот дьякона Диоклитианова, считавшийся в течение двух лет котом, оказался кошкою и окотился на днях восемью котятами...

Записываю также интересные, но маловероятные слухи, которые ходят у нас по Черной Речке.

Некто, быв в летнем помещении Приказчичьего клуба и выпив у буфета двенадцать рюмок водки, благоразумно отказался, когда ему предложили тринадцатую. На Выборгской стороне появился солдат, который безо всякой боли и видимого ущерба переделывает женский пол в мужской. Так, на днях он превратил одну майоршу в майора. Последний слух очень важен для женщин, которые желают занять места конторщиков, кассиров на железных дорогах, почтамтских приемщиков и не могут получить этих мест потому только, что они женщины, а не мужчины.

10 июня

День субботний. Был в бане, после бани рассуждал сицевое: ежели я проем все мои животы и не найду себе места, то дело может дойти до того, что мне негде будет приклонить

главу мою, так не идти ли мне на церковное покаяние? Дело сие очень не трудно сделать: стоит только свести тонкую интригу с какой ни на есть девицей, а после подать жалобу прокурору, что вот-де, такая и такая девица, соблазнив меня, совратила с пути истинного и вовлекла в противузаконное сожительство. Ребенок особ статья. До ребенка можно и не доводить дело. Тогда суд приговорит меня к церковному покаянию, а с этим покаянием мне будет даровая монастырская квартира и даровая монашеская пища. Решено: ежели через месяц не найду себе занятий, то заведу противузаконное сожитие, а пока буду отыскивать подходящую девицу, для чего и буду гулять по вечерам в Строгоновом саду.

11 июня

Вчера лег спать и долго не мог заснуть; все думал: а что, ежели бы всех, кто находится в противузаконном сожитии, судить и присуждать к церковному покаянию? Тогда бы, пожалуй, и монастырей столько не нашлось, где бы поместить всех кающихся. Какое монастырей! Целые города нужно было бы обратить в монастыри и, почитай, половина бы народонаселения прекратила свои занятия. Половина фабричных должны бы были прекратить работу и начать каяться, студенты – оставить учиться и каяться, войско – оставить учение артикула и каяться, и так далее, и далее, все бы должны были сидеть по монастырям и каяться.

12 июня

Сегодня поутру у нас на Черной Речке на дворе дачи купца Самодралова кучер поймал в погребке хорька. Столь, по-видимому, обычное происшествие привлекло к даче огромную толпу народа. Тут были и женщины, и мужчины, чиновники и няньки с ребятами и даже виднелся один генерал. Хорек лежал посреди двора, а около него стоял кучер и рассказывал всем и каждому о своем геройском подвиге. Некоторые чиновники вследствие этого опоздали на службу. Хорек был убран в полдень, но многие любопытные даже в три часа дня заглядывали еще на двор и осматривали то место, где он лежал.

Вечером гулял по Строгонову саду с целью отыскания девицы для тонкой интриги, и со мной случилась довольно забавная история. Только что я вошел в темную аллею, как вдруг вижу, что передо мной идет рослая и полная дама, в голубом платье и соломенной шляпке с широкими полями, из-под которой виднеются роскошные темные волосы, распущенные по плечам. «Ну, думаю, коли одна вечером и в темной аллее, значит, ищет приключений», и с сею мыслью бросился за ней. Вдруг дама моя обернулась, и каково же мое было удивление и конфуз, когда она, вместо дамы, оказалась духовной особой, в голубой рясе и соломенной шляпе. Я не потерялся и тотчас же подошел к особе под благословение.

15 июня

Скука смертная! Тоска невообразимая! Вчера день провел следующим образом. Поутру, встав от сна, пил чай и думал о том, что было тогда, когда ничего не было. Потом играл сам с собою в шашки и три раза запер себя в трех местах; после игры считал мух, летающих по комнате, но на второй сотне сбился в счете.

Вечером поехал в город и ночевал у дьячка, а наутро отправился в дилижансе к себе домой на Черную Речку. В дилижансе меня значительно укачало, и я счел за нужное выйти из него у Строгонова сада и соснуть малость на травке и легком воздухе, что и исполнил. Долго ли я спал, не знаю, но видел страшный сон: видел я, что какие-то арапки, с черными лицами и красными ногами, пляшут на моем животе и поют арабские песни, а вдали стоит моя дачная хозяйка, Анна Ивановна, и ехидно улыбается. Долго я терпел истязания, но когда уже терпеть было невмочь, то вдруг заорал во все горло: «Анна Ивановна, заступись, голубушка! Серебряный подстаканник подарю!» – и вдруг проснулся. Открыл глаза и вижу, что надо мной стоит пожилая дама, в черном платье, и черномазый, молодой фертик с козлиной бородкой. «Добрый простолоудин! – сказала дама, – от чего я должна вас спасти и почему вы узнали мое имя?» Извините, говорю, сударыня. Это я так, в забытии... Со мной это часто случается. А вы нешто Анна Ивановна? Точно так, говорит. А разве вы прежде не знали моего имени? Откуда же, говорю, сударыня, мне ваше имя знать, коли я вас в первый раз ви-

жу? Дама закатила под лоб глаза и начала тараторить с фертиком по-французски. Слышу, поминает что-то: «спиритуалист, спиритуалист». Раз десять проговорила она это слово, потом обратилась ко мне и говорит: Послушайте, говорит, вы спиритуалист? Виноват-с, говорю. Это точно, что мы к спиртным напиткам пристрастие имеем и сегодня поутру маленько зашибли, но только без запоя... Побалуем, да и за щеку. Вы, говорит, не так меня понимаете. Скажите, вы медиум? Как-с? Вы медиум? медиум? – заболтала она несколько раз. Никак нет-с, говорю, я Касьян Яманов. Я вас не о фамилии спрашиваю, но желаю знать, не медиум ли вы... не ясновидящий ли? Скажите, вы не имеете сообщения с духами, не беседуете с отсутствующими, не разговариваете с людьми, которые уже давно умерли? Это, говорю, точно-с, случается... Раз мертвый купец меня к себе в приказчики нанимал, а вчера я ругался с моим бывшим хозяином, которого вовсе и в горнице не было, но это, говорю, сударыня, всегда в забытьи и больше от тоски, так как мы теперь отставные приказчики и болты бьем, а пить-есть надо! Так вы медиум, говорит, медиум! Вы и сами не знаете, что обладаете таким драгоценные даром. Что ж нам, говорю, в нем, коли от него не откусишь? Вы просили у меня руку помощи, и я протягиваю вам ее. Я сама спиритуал истка, а потому должна протянуть вам руку. Я вас устрою. Идемте, собрат мой, ко мне. Я живу здесь, поблизости. С диву дался на нее, однако пошел. Живет великолепно. Дача – роскошь! На подъезде

встретил нас лакей в белом галстуке. Отстал я маленько от нее, отвел в сторону лакея и спрашиваю: «Кто это такая?», А он мне: «Вдова, генеральша Кувырканьева». Как сказал он мне, что она генеральша, так я и оробел. А что, думаю, вдруг драть меня прикажет? Уж не обругал ли я ее давеча во сне-то? Однако вскоре успокоился и вошел в горницу, так как заметил, что около дачи ейной стоял городской. В случае чего, думаю, так можно крикнуть караул. Однако караул кричать не пришлось. Генеральша была очень любезна, угощала завтраком (первый раз пришлось есть с генеральшей), вином и расспрашивала меня: часто ли я беседую с духами умерших. Меня маленько забрало. Чтобы разжалобить ее, сказал, что часто. Ну, а можете вы, говорит, силою воли уменьшить вес предмета? То есть как это? – говорю. А так, говорит, к примеру, вот эта бутылка весит пять фунтов, так ежели вы пожелаете, то можете вы сделать, что она будет весить вместо пяти фунтов два? Могу, говорю, потому это плевое дело! Взял, налил из нее стакан, выпил залпом и говорю: «Потрудитесь свесить; теперь не более двух фунтов будет. Может, в восьмушке ошибся». Улыбнулись и говорит: «Это все не то! А верчением столов не занимались?» Трафилось, говорю, вертывали. Сели за стол все трое; она, я и фертик и сделали цепь из рук, поставивши их рогульками. Сидим и смотрим друг на друга. Так и разбирает меня смех, однако креплюсь. Напрягите, говорит, все силы вашей воли и тогда стол двинется. Ну, я и напряг, вследствие чего стол и двинулся,

потому леговький-прелегонький. Генеральша пришла в восторг. «Вы медиум, медиум, поистине медиум! Ежели вы без места, то живите у меня, вам будет готовая квартира, стол и двадцать пять рублей жалованья. Согласны вы?» Ну, как тут не согласиться? Так переезжайте, говорит, завтра же... Обещал и домой воротился как угорелый. На дворе встретила хозяйка. Где это, говорит, пропадал целые сутки? Молчать, говорю, а то сию минуту превращу тебя в перечницу и уксусницу! Я, говорю, теперь не что иное, как медиум и спиритуалист, завтракал с генеральшей и буду жить в генеральском доме! Хозяйка обиделась. Ну, да мне теперь наплевать!

Неисповедимы судьбы Божии! То есть думал ли я когда-нибудь, что из простого апраксинского приказчика превращусь в медиумы? Ну, так что ж такое? медиум так медиум!

16 июня

Итак, я состою в должности «медиума» при дворе генеральши Кувырканьевой. Ведь поди ж ты, какую должность придумала! Уж подлинно, что богатые люди с жиру бесятся! Надо полагать, что эта генеральша – иди барынька из блажных, или просто дура. Впрочем, что за важность? Лишь бы деньги брать. Но вот вопрос, что это за должность такая, медиум? Дьячок Ижеесишенский, который был у меня сегодня и коему я в радости сообщил о приискании себе места, с божбою уверяет, что медиум – это всё равно, что шут у старин-

ных царей и князей или юродивый. Тех же щей да пожиже влей. Теперь, говорит, с шутами и юродивыми никто больше не вяжется, так пошли медиумы в ход. Надо полагать, что он врет, потому что был выпивши. Завтра же пойду к генеральше и спрошу, в чем заключается моя должность. Ежели заставят кувыркаться, колесом ходить или петухом петь, то навряд соглашусь.

17 июня

Сегодня ходил к генеральше и спрашивал, в чем будет заключаться моя должность. Также упомянул насчет кувыркания, петуха и колеса. Улыбнулась и говорит: «Ничего этого не надо, у меня не цирк, а когда на вас найдет вдохновение, туман эдакой, то вы будете предсказывать будущее мне или гостям моим. Вы человек особенный, вы не то что другие: вы разговариваете с отсутствующими, с давно умершими, но мы этого не можем, поэтому вы будете задавать им наши вопросы и передавать нам их ответы. Поняли?» То есть понять-то, говорю, понял, только в разных смыслах... Ничего, говорит, постепенно привыкнете. Условился также и насчет жалованья и всего прочего. Условия мои такие, что я теперь много почище рыночного приказчика, а пожалуй, повыше и гостинодворского, несмотря на то, что гостинодворские пенсну на носгах носят и в Приказчиьем клубе польку танцуют. Жалованья мне 25 руб. в месяц и отдельная комната (а те этого не имеют и спят по пяти человек в одной комнате) – когда

нет дела, со двора или куда угодно, без спросу (а те только раз в неделю или в две, и то со спросом у хозяина), гостей могу принимать к себе кого хочу (тем же гостей принимать воспрещается), к завтраку, обеду и ужину полагается водка (а тем за водку-то нагоняй, а пожалуй, и выволочка). Только что я вышел от нее на подъезд, француз-фертик (это сбоку припека-то) сейчас за мной. Что вы, говорит, с ней разговариваете! Разве не видите, что у ней здесь мало? и показал на лоб. Видим, говорю, что в умалении и скудно, только все же переговорить следует. Пустяки, просите только денег больше да врите, что в голову придет, как будто вы это слышите от умерших. Извините, говорю, почтеннейший, вы сами-то по какой части при ней состоите? Тоже, как и вы: медиум. Коли так, говорю, – ручку! Для первого знакомства отправились с ним сейчас же в Строганов сад на горку (ресторанчик там есть) и засобачили в себя по три рюмки христианской да саданули по бутылке пива. Француз, а водку пьет, что наш брат русский. Обещался меня познакомить с француженками.

Теперь я понимаю, в чем состоит моя должность: нужно прикидываться перед генеральшей колдуном, гадальщиком, предсказывать будущее, морочить ее и доить ее карман. Сама напросилась. Попробуем. Потрафим, так ладно, а нет, так ведь нам с ней не детей крестить!

18 июня

Переехал к генеральше. Комнатка хотя и махонькая, но

отменная. Из окна видны все жизненные удобства, как-то: кабак, городской и портерная. Прислуга приняла меня не совсем ласково. Лакей при встрече со мной пробормотал: «Еще одного шалопая несет!» Горничная плюнула мне вслед и сказала: «Барон, что гоняет ворон». Ну, да это наплевать! Стерпится, слюбится.

С дачной хозяйкой моей прощание у меня было самое трогательное. Плакала и рыдала она так, как будто провожала в могилу и просила меня навещать ее, а также присылать для беседы об антихристе дьячка Ижеесишенского. За квартиру ей отдал я не 20 р. за все лето, как бы то следовало, но всего 5 р., зато подарил мельхиоровый стаканчик при нижеследующем письме, которое она обещалась хранить в божнице. Вот сие письмо:

«Милостивая государыня, Анна Ивановна!

Принимая во внимание неусыпные труды ваши, как квартирной хозяйки, при доставлении меня два раза в пьяном образе из трактира купца Житейского, под названием „Черная Речка“, в лоно дачи моей и укладку на ложе мое, именуемое диваном, со снятием сапогов и сюртука, а также и в опохмелении меня наутро малой порцией, изъявляем вам свою благодарность, а также дарим принадлежащий нам мельхиоровый стаканчик, каковой просим вас спрятать в шкаф и, вынимая оный по праздникам, пить из него по „усмотрению“.

Отставной приказчик, а ныне медиум генеральши Кувырканиевой, Касьян Яманов».

20 июня

Сегодня, увидав, что генеральша сидит на балконе, задумал ее поморочить маленько, для чего надел на себя овчинный тулуп шерстью вверх и в таком виде стал прохаживаться мимо балкона, поминутно закатывая глаза под лоб. Увидав сие, она тотчас же спросила: «Касьян Иваныч, что с вами?» Я же, не приветствовав ее ни единым словом, ответил: «Не мешайте, сударыня, я с духами беседую», и с сими словами удалился к себе. Надо стать, что коленом сим я ее отменно пробрал, потому что через полчаса, призвав меня к себе, подарила мне фрачную пару, оставшуюся от ее покойника мужа. У нас, говорит, послезавтра будут гости, будем заниматься столоверчением и вызыванием духов, так вы во фраке будете приличнее. Фрачная пара совсем новая и как раз пришлась по мне. Примерял ее, смотрелся в зеркало и думал: «Кто может заметить, что наш тятенька мужик был?»

Вечером зашел ко мне француз, долго трещал, как трещотка, и сказал, чтобы я к послезавтраму придумал ответы духов. Обещал. Веселый такой. Выпили мы с ним полбутылки коньяку с чаем, и я научился от него трем французским словам: «о де ви» значит водка, «бельфам» – разухабистая баба и «пикант» – «забористая». Ложась спать, придумывал ответы духов, но ничего не придумал.

21 июня

Ура! Ответы духов нашел. По городу, по дачам и у нас

на Черной Речке, ходят мальчишки и продают фотографические карточки «с предсказаниями», то есть с прилепленными к карточкам билетиками, на которых напечатаны предсказания на задуманные вопросы. Сегодня купил у мальчишки пяток карточек за четвертак. Билеты, что на них, и будут служить мне ответами духов. Вот эти предсказания из слова в слово: «что же хочешь, человек, того и получишь»; «чего ради плаваешь против воды? Не сломи кормило»; «берегись и ты, человек, добываешь корысти от всякого злого нападения»; «заткни язву души твоей и береги себя, яко сосуд скудельничий»; «яростная любовь млада, зане не утолится серебром, но кудрявым предметом в образе живе». Чего же еще лучшего ждать от духов? И туманно, и увлекательно, и занято!

23 июня

Вчера вечером был у нас сеанс столоверчения, спиритизма и беседы с духами. Гости наехали в пяти каретах. Кучера, высадив господ у подъезда, въехали к нам на двор и, сойдя с козел, принялись играть между собою в три листа. Игра завязалась самая интересная, и я хотел уже пристать к ним, но долг службы, так как я служу в медиумах, повелел мне отправиться на сеанс. Напялив на себя фрак, умаслив главу мою помадой фабрики Мусатова, опрокинув, для бодрости, две рюмки коньяку я заев оный сушеным чаем, дабы из пропасти не несло, я отправился в зал. Француз был уже там и

во все горло кричал что-то по-французски на ухо глухому старику генералу. Но совету француза, для наиущения большей важности, я вошел в зало, глядя в потолок и с поднятыми кверху руками. Как было условлено, француз тотчас же обернулся ко мне и приветствовал меня по-французски (а черт его знает, может быть, и обругал). Я же, нисколько не оробев, раскрыл свои объятия и рявкнул голосом Леонидова из Александринского театра сицевое: «Собрат, приди ко мне на грудь!» Сцена эта подействовала. Гости покачали головами, какая-то старуха прослезилась, а генеральша, наклонясь к уху генерала, крикнула про меня: «Простолюдин он, ни слова не знает по-французски, но понял мусью Мутона (это прозвище француза) по вдохновению». Генерал крякнул и промычал, а мы (то есть я и француз) бросались друг другу в объятия. «Господа, рекомандую вам нового медиума, Касьяна Иваныча Яманова», – сказала генеральша. Я поклонился и, разинув слегка рот, дикими глазами обвел присутствующих. Тут были: отставной генерал, тощий как моща, два лысые старика в очках, как впоследствии я узнал, один учитель латинского языка, а другой – греческого, пять-шесть старух с утиными носами, юнкер – племянник генеральши, отставной частный пристав и еще какой-то сотрудник «Московских Ведомостей», который, объявив мне об этом, тотчас же сел на диван, задремал и начал бредить, произнося слово «нигилист». Сеанс прошел благополучно. Стол вертели три раза, а остальное время беседовали с духами, вопроша-

ли, но просьбе гостей, разных Иродов, Наполеонов, Соломонов и передавали от них ответы, я – письменно, а француз Мутон – изустно. Сеанс кончился за полночь и только потому, что, утомившись, я внутренне ругнул всех присутствующих и, сам не знаю как, вместо ответа духов написал на бумаге такое пакостное слово, которое никто не решился прочесть вслух. Впрочем, все обошлось благополучно.

1 августа

Вот уже месяц, как не писал я своего дневника. Да и о чем писать, коли вся жизнь заключается в четырех словах: пил, ел, спал и скучал. Каюсь, что пил более, нежели ел и спал, за что и получил от генеральши два официальные, предостережения (собственные слова ее превосходительства) с секретным предупреждением, что в случае моей неисправности она тотчас же даст мне третье предостережение со снятием с меня сапогов и с приостановкою выпуска меня со двора в течение двух месяцев. Как ни оправдывался я, как ни выставлял на вид, что вот уже в течение месяца несу на себе наказание запрещения розничной покупки водки через прислугу, а обязан довольствоваться четвертной бутылью в неделю, да и то пополам с французом, вследствие чего терплю явный ущерб в исполнении моих обязанностей в качестве медиума, – ничего не помогло, и она обещала привести свою угрозу в исполнение.

3 августа

С табачницей у меня все счета покончены, но сегодня она прислала мне с щапинским кондуктором слезное письмо. Вот оно:

«Милый друг, Касьян Иванович!

Забудьте все прошлое и будьте по-прежнему моим предметом. Ах, какая я была дура, что променяла вас на военного писаря. Я его считала за благородного жениха, но он оказался коварный интриган и за питием чая стянул у маменьки две серебряные ложки. Верьте, что я вас не променяю теперь ни на чиновника, ни на офицера. Плюньте мне тогда в глаза, и ежели будете согласны на это, то приходите сегодня вечером в Строганов сад. Лети, письмо, к тому, кто мил сердцу моему. Если же другу неприятно, то лети письмо обратно. Пришлите ответ, согласны или нет».

Письма я не принял и на обороте написал сицезовое: «Нам подержанного платья не требуется».

15 августа

Генеральшина горничная Марья Дементьевна в благородстве оказывается много чище табачницы. Сегодня она стирала генеральшины манишки и так чувствительно пела «Гусар, на саблю опираясь», что я заслушался. Также и по-французски говорит. Сегодня вечером звал ее в молодцовский клуб, но она отказалась. Не пойду, говорит, я в молодцовский – там хватаются, а я привыкла к благородству. Ежели, говорит, хотите, то пойдемте в пятницу в благородку. Обещал,

и вечером, когда лакей Иван ставил самовар, удрал с ней в Строгонов сад. Гуляли по первой аллее и разговаривали по-французски; я ей – «тре бье, лямур», а она мне – «жоли мерси». Проходящие, во всей вероятности, думали, что мы графы или князья. Возвратились домой в десять часов. Вследствие ее своевольной отлучки генеральшин лакей Иван рассвирепел и обещал пробить ей темя поленом. Это из ревности.

17 августа. Вечер

Сейчас генеральша призывала меня к себе и объявила, что едет на неделю в Москву, а также берет с собою француза Мутона. «А как же, говорю, я-то?.. Мне бы тоже хотелось побывать в Москве, к тому же и у тамошних медиумов поучился бы, а то что ж мне с вами все на один манер?..» Пустяки, говорит, этому никто ни у кого не учится, это по вдохновению. Все-таки, говорю, какому-нибудь новому колену обучился бы. Нет, говорит, нельзя. Ты останешься в Петербурге и будешь наблюдать за домом, за людьми, за лошадьми, и за этот труд жалую тебе двадцать пять рублей и старый генеральский халат на красной шелковой подкладке (халат ее покойника мужа), для внушения страха прислуге. Халат и четвертная бумажка тотчас же были вручены мне. Отъезд генеральши назначен послезавтра.

Как там ни говори, а без Мутонки будет скучно. Хоть он и француз, а все-таки человек: по херам с ним погово-

ришь, рюмочку-другую сентифарису толкнешь, о французенках потолкуешь и все эдакое...

18 августа. Утро

Вчера ложился спать полный чувства самодовольства. Что ни толкуй, а все-таки я буду в некотором роде начальник, управляющий домом и, так сказать, глава. Квартира к моим услугам – захочу, так созову всю Александровскую линию и задам пир; по островам захотелось прокатиться или так куда съездить – так закатил кучеру пару пива и поезжай куда хочешь на генеральшиних лошадях.

А что в самом деле: ведь квартира будет свободна, так не созвать ли знакомых приказчиков да не закатить ли пирушку в складчину? Чудесно! Повар есть. Купим провизии, так что угодно состряпает. Музыка понадобится, так у генеральши и рояль есть, а горничная Марья Дементьевна отлично играет одним перстом «По всей деревне Катенька» и «Чижик, чижик». Да и зачем нам фортепьяно, коли некоторые молодцы из моих бывших соседей по лавке в лучшую жарят на гитаре, а кучер Герасим, ежели на гармонии – так просто собаку съел. Сообщил о своем предположении повару; тот с радостью согласился.

18 августа. Вечер

Целый день собирали генеральшу в Москву. Вечером она собрала всю прислугу и объявила, что я остаюсь старшим и

что все должны меня слушаться. Я в это время стоял в отдалении, потупя взор. Когда генеральша ушла, лакей Иван показал мне кулак и сказал: «Это старшему». На что я ему ответил: «Погоди, голубчик, дай только генеральше уехать, так я тебя в бараний рог согну» – и тут же объявил ему, что горничная Маша будет состоять при мне. «Ну, еще это дудки!» – сказал он. А Маша ему: «Конечно, денно и ночью при Касьяне Ивановиче состоять буду, так как он от самой генеральши поставлен». Под вечер забежала ко мне в комнату и просила, чтобы я сжил Ивана. Обещал.

19 августа

Сегодня провожал генеральшу в Москву. Когда поезд тронулся, мне в голову пришла гениальная мысль. В газетах то и дело читаем, что то там, то сям устраиваются съезды и конгрессы; был съезд археологов, съезд естествоиспытателей, были железнодорожные съезды, наконец, недавно был статистический конгресс, – так чем устраивать в генеральшиной квартире просто пирушку, не лучше ли мне устроить «съезд петербургских лавочных приказчиков»? В сущности, это будет та же пирушка, только по новой моде, по-современному. В сильной радости, что в голову мою пришла такая счастливая мысль, прямо с железной дороги я побежал к дьячку Ижеесишенскому и сообщил ему об этом. Тот в восторге чуть не привскакнул на стуле. Не теряй, говорит, золотого времени, беги на рынки и созывай приказчиков! Но

как же, говорю, ты-то будешь на этом съезде, коли это будет съезд приказчиков? Какой же ты приказчик? Пустяки, говорит, я буду делегатом от просвирни и от свечной продажи. Порешили сзывать из каждого рынка по одному и по два приказчика и назначили съезд на 22-е августа, после чего я опрометью побежал в рынки и Гостиный Двор. Первый визит мой был в бывший Апраксин двор, к приказчику Николаю Усталову. Выслушав меня, он не сразу понял, в чем дело, но когда я растолковал ему, что мы на съезде выпьем, закусим, поругаем хозяев и потолкуем – «как бы нам обороняться от них, дабы они не слишком на нас ездили», то обещал быть. Главная, говорит, штука, что у хозяина не отпросишься со двора! Ну, да как-нибудь урвемся! Спрошусь в баню, а на всякий случай, если запоздаю, то положу на кровать чу-челу в моем халате. Ежели хозяин заглянет в молодцовскую, так будто бы это я сам лежу. От Усталова бросился в Мариинский рынок, из Мариинского в Гостиный Двор, из Гостиного в Никольский рынок, из Никольского на Васильевский остров в Андреевский, а оттуда домой на Черную Речку, где по силе данной мне власти обругал лакея и почил от трудов моих, надев генеральский халат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.